

Делегат комсомольского съезда

В ЖИЗНИ И НА СЦЕНЕ

У НЕГО громкое имя — имя его отца, знаменитого балетмейстера Лавровского. А сегодня он сам — знаменитость. Признание встречает Михаила Лавровского везде, куда бы он ни приезжал, — будь то Франция или Финляндия, Англия или Соединенные Штаты Америки.

В Мише Лавровском нет решительно ничего от знаменитости — ни ложного тщеславия, ни склонности покрасоваться, ни жадности к похвалам, ни даже извинительного в его возрасте щегольства.

Он вырос в семье, где скромность, интеллигентность составляют негласное жизненное правило. В таких понятиях воспитала его мать — Елена Георгиевна Чиквадзе. В свое время талантливая балерина, теперь репетитор Большого театра, эта обаятельная, скромная женщина сосредоточила все свои интересы, все помыслы на сыне. Он оправдал ее надежды. Ему абсолютно чужда зависть к успехам сверстников: пусть кто-то «делает карьеру» быстрее его. Лавровский спокоен: для него нет карьеры, есть творчество. Пусть все шумно поздравляют его с недавно полученным званием заслуженного артиста республики, Лавровский принимает поздравления с достоинством и подчеркнутой сдер-

жанностью: для него главное звание — лишь еще один стимул к совершенствованию, без которого он не мыслит своей жизни.

Он не расположен преувеличивать свои таланты, скорее даже любит преуменьшить их. Вот с белой плоскости листа смотрит лицо — открытое, с серьезным, строгим взглядом, лицо, одухотворенное мыслью. Этот рисунок — автопортрет. Да, он отлично владеет и карандашом, и кистью, но крайне не любит показывать свои работы.

Балет? Он ведь не только танцует, но мечтает ставить спектакли. И среди его мечтаний, среди любимых сюжетов — «Мцыри», «Собор Парижской богоматери»... Поэзия возвышенных и недюжинных страстей, драмы сильных, нерядовых характеров — все человечески значительно, подлинное неизменно занимает его ум и воображение.

Со временем, надеюсь, его мечты превратятся в его балеты. Трудно представить себе, что человек столь исключительной, талантливости, человек, выросший в такой богатой хореографической среде, не стал бы впоследствии балетмейстером... А пока... Пока он не очень-то охотно делится своими замыслами, чтобы

не выглядеть нескромным. И так во всем — от успехов сценических до успехов спортивных. Последние несомненно: недаром Миша так увлекался плаванием, прыжками в воду. Одним словом, любая сфера, где проявляются талант, смелость и целеустремленность, близка и приманива для него.

Но, конечно, среди многообразных интересов главенствует сцена. Сцене подчинена вся жизнь. Сцена приносит самые большие радости. Сцена дает самые поучительные уроки. Сцена дарит волшебством перевоплощения: трудно назвать сегодня балетного премьера, который так преображался бы в каждой роли. Пылкий, рыцарственный Ромео. Романтический Альберт. Базиль, чьи танцы излучают улыбку, жар южного солнца, беспредельную веселость. Озорной и элегантный Принц в «Золушке». Волюнтаристичный марселец Филипп Фрэндо, из простого крестьянского парня превратившийся в героя бунта. Какая яркость и несличимость человеческих судеб, какое живое и искреннее биение сердца ощутимы в созданиях танцовщика!

Да, его манера принадлежит к лучшим образцам русского балетного академизма. Его искусство является одним из

высших достижений советской исполнительской школы. Сегодня даже смешновато и неловко читать, что Лавровский — «партнер балерины такой-то». Идеально владея приемами балетного кавалера, Лавровский невольно оказывается в центре внимания. Тут уж ничего не поделаешь: масштаб таланта обнаруживается независимо от тех или иных формулировок.

Но все-таки не вышеперечисленные качества главные в его творчестве.

Прежде всего это художник принципиальный, для него невозможны компромиссы. Лавровский хорошо помнит, что преемственностью жив наш балетный театр. Вот почему обновляются и торжествуют в его исполнении традиции Чабукяни, Ермолаева — тех, кто выработал основы советской школы мужского танца. Лавровский всегда верен этим прекрасным принципам: его танцы мужественны, полны душевного здоровья, ясной и строгой гармонии. Он не ищет легких успехов.

Оставаясь верным своей индивидуальности, Лавровский утверждает свое, абсолютно самостоятельное прочтение роли Спартак. Попробуйте уйти от намерения постановщика показать героя как евангельского страстотерца, раздираемого мучительными лич-

ными трагедиями, сознательно изолированного от народа и затем гибнущего.

Лавровский смело представляет акценты. Его Спартак — фигура истинно народного героя, он превращает в кульминации не сольные танцы, а сцены массовые, здесь — его высшее торжество. Он читает подвиг Спартак, как утверждение жизни, больше как утверждение идей революции.

Как добился он решения столь трудной задачи? Быть может, в силу того, что идеяность — неотъемлемое качество его таланта. Таланта, для которого органична та концепция героя и революционного народа, которая так отчетливо была выражена в не идущих ныне «Пламени Парижа» и «Лауренсии». Опыт этих спектаклей в сочетании со всем остальным сценическим опытом и приводит Лавровского к столь крупным, принципиальным победам.

Успех для молодого танцовщика — не остановка, не груды лавров, на которых можно комфортно почить, наслаждаясь славословиями. Победа — всегда в будущем: в том спектакле, которого ждешь, в той роли, о которой мечтаешь. Так живет и трудится делегат комсомольского съезда Михаил Лавровский. **Е. ЛУЦКАЯ.**